

Имя автора конкурсной подборки будет оглашено в Итоговом протоколе Международного литературного конкурса "9-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2020" 6 июня 2020 года в 23:59 по Москве.

Балаганчик

Хор:

хлещут ивовые прутья
половодный ил.
мы выходим на распутья,
выродки могил.
мы из тряпок, из картона,
из папье-маше.
скорбным маршем похоронным
по кривой душе
ковыляем, ковыряем,
раны бередим.
путь, скроённый из окраин
неисповедим.

встретив нас, молитву Богу
тихо сотвори,
уступая нам дорогу,
пузырям земли...

Коломбина:

чёрно белое окно
тихо открывается.
белый в красном домино
самоубивается.
мы выходим из кино.
мир в глазах качается.
как смешно,
что жизнь — гАвно,
и она кончается.

Пьеро:

я туман по ковылю,
я почти что стих.
знаешь, я тебя люблю,
как мертвец живых.
знаешь, я тебя хочу,
впрочем, не хочу.
лучше я пойду к врачу,
душу полечу.
в душу белую Пьеро,
чистую, как снег,
птицысчастьино перо
вставит доктор мне.

Арлекин:

выедает очи стыд
ночи напролёт.
тень у края пустоты
ни о чём поёт.
это больно — ни о чём,
это — наповал.
тип с оторванным плечом,
с брюхом, вспоротым мечом,
это напевал.

Коломбина:

я расклеюсь до мая,
но не выдам ни стога я,
потому что я знаю,
что я дура картонная,
что мой кукольный домик —
абберрация люта,я,
что Пьеро просто гомик...
или комик... я путаю...

Пьеро:

жизнь сбывается на раз,
губится на два,
говорят, я пидорас,
что играл в слова,
говорят, что я просрал
Богом данный дар,
так что, видимо, пора,
и, гип-гип, ура-ура,
нас уводит в никуда
твёрдый тротуар.

Арлекин:

бьётся страшное темно
в мутное окно.
мне, пожалуй, всё равно,
я пойду на дно.
поплывут в моём окне
в стылой тишине
птицерыбы как во сне —
только не во сне.
я люблю тебя, люблю,
кукла пустоты,
я иду по февралю,
где замёрзла ты,
чтобы раны зализать
мёртвою Невой,
и глядят мои глаза
стылой синевой.

Поэт:

балаганчик рождается вновь
из иронии и отчаянья,
будем красное пить вино

голубыми ночами.
в чёрном воздухе гаснет звезда,
жизнь хохочет изменницей.
у поэта глаза из прозрачного льда,
и замёрзшее сердце.
мир недаром без жалости гонит взащей
болтуна и паяца.
всё святое однажды сгорает в душе,
и поэт задыхается.

Балаганчик 2

1.

И потом не поймет никто, хоть убей,
хоть правой бери, хоть левой:
он любил её больше жизни своей,
сильнее смерти своей.
И потом никто не сможет сказать,
отводя стыдливо глаза,
как нам больно кукольный домик ломать,
перебитой душой хромать.
На ветру расхристан души картон,
у Пьеро расползлось пальто,
обнаженья бумажного моветон
нам с тобой не простит никто.
И хромает к бездне поэт-поэт
сквозь пронзительно чёрный свет
и бормочет: смерти, наверно, нет,
но и жизни, конечно, нет.

2.

И быть душе, как Петербургу, пусту,
поломанные крылья сложит Демон,
он жизнь сыграл с трагическим искусством,
теперь не знает: что же с этим делать.

Прекрасны куклы в дивном балагане,
фантомы-дети из души-реторты;
так мертвецы, прикинувшись богами,
существование дают созданьям мёртвым.

Вновь синий призрак, полумрак лиловый
слова забвений сыплет златоусто;
вновь он уйдёт, к небытию готовый,

в глухую полночь смертного искусства.

3.

Плутая в полоумном глуме,
для всякой боли обнажён,
корявые углы безумий
считал разбитою душой.

И кто кого жестоко кинул,
и чья там нить оборвалась —
танцует осень Арлекином,
из-под колёс швыряя грязь.

И в Петербурге чёрно-жёлтом,
на одичалых островах,
хохочет полночь пьяным чёртом,
теряясь в собственных потьмах.

Себе на диво и потеху
так страстно хочется не быть,
а только ехать, ехать, ехать,
бежать от собственной судьбы.

И кто-то тихий и прекрасный
запишет, отправляясь в ад:
все одинаково несчастны,
никто ни в чём не виноват.

Балаган

самым невероятным существом на свете,
человеком, выисканным из сотни тысяч, —
ворочается
где-то там внутри
в собственной темноте,
выпавшей из людских глаз,
закатившейся под бел горяч камень,
под чёрную немочь и красный ужас.
непотребный многошвейный лоскутный,
как мир и рубаха юрода,
слова мутные в горле плескает.
не подходите к дохлой собаке,
лает воет кусает себя за хвост —
никто ничто,
не похвалится даже блохами,

ибо и тех дал Господь.
смиренно зарезан, как сыр имени святого Бориса
и заодно Глеба,
тычется тупою болью в острые стёкла
разбитых глаз,
рваной болью режется внутри своей темноты
до вспышек света
до вспышек света.
и слепой мир где-то снаружи
ржёт до икоты.

